

Раздел седьмой

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ТРАНСФОРМАЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

*А. Г. Вишневский,
действительный член Российской академии
естественных наук.
Институт народнохозяйственного
прогнозирования РАН*

Модернизация и контрмодернизация: чья возьмет?

Модернизация и контрмодернизация — две естественные тенденции для любого общества, совершающего головокругительный исторический поворот от векового аграрного и сельского строя жизни к промышленному и городскому. Этот поворот требует полной смены всей парадигмы социального существования, коренного пересмотра основных правил всех игр: экономических, социальных, политических, военных, культурно-религиозных и т.д. Начиная играть по новым правилам, меняются и люди, меняется сам тип человеческой личности.

Ни одна страна и ни одно общество не совершили такого поворота безболезненно. Не стала исключением и Россия, которая к тому же оказалась одной из первых стран *догоняющей* модернизации. Заимствованные модернизационные нововведения пересаживались здесь на еще не готовую воспринять их традиционную почву, сплавлялись в единое целое с выросшим на ней жизненным укладом, частично модернизировали их, а частично сами "традиционализировались". Полученная смесь, которую с гордостью называли "национальным своеобразием", пропитывала всю общественную ткань, определяя характер социальных институтов, культурных ценностей, способов политического действия, человеческих типов и т.д. Представляя собой соединение двух противоречивых

начал, она отнюдь не упрощала исторического развития России, шедшей, несмотря ни на что, к постепенному изживанию элементов традиционализма. Каждый новый шаг в этом направлении сопровождался полемикой традиционализма и модернизма, приобретающей порой очень большую остроту.

Постсоветский этап российской истории может рассматриваться как новый раунд модернизации, а, стало быть, и новый раунд этой полемики. К чему же он привел Россию?

1. Экономика

Современная западная экономика основана на преобладании рыночных механизмов, которые адекватны ее динамизму и с самого начала были главным инструментом ее становления и развития. Но отстающая страна не может догнать передовые, не прибегнув к мощному государственному протекционизму, чтобы перепрыгнуть через этапы, уже однажды пройденные другими странами, и искусственно создать силы саморазвития современной экономики. После того как они созданы, государственное вмешательство в экономику должно быть резко сокращено. В противном случае средство перестает соответствовать цели и стопорит развитие.

Это хорошо понимал, в частности, такой крупнейший представитель дореволюционного российского протекционизма, как Витте. Будучи последовательным сторонником "государственной опеки" торгово-промышленного развития, Витте подчеркивал ее преходящий характер. "С достижением же конечной цели протекционизма, с созданием прочной национальной промышленности, не боящейся иностранной конкуренции, и с нарождением деятельной внутренней конкуренции должен наступить конец самому протекционизму. Прямая логика его и заключается в самоупразднении"¹.

К сожалению, в советское время использование "государственного ресурса" для развития современной экономики — вынужденная традиционалистская мера, которая применялась в России с петровских времен, — было в буквальном смысле слова фетишизировано. Разросшаяся до невиданных размеров государственная опека экономики не только не воспринималась как полезный, временный инструмент, но и превратилась в самоцель. Государственный экономический централизм трактовался как едва ли не главная, сущностная черта "социализма", о его изначальной инструментальной, подсобной роли все давно забыли. Поэтому советская экономика напоминала человека, который упорно продолжает ходить, опираясь на костыли, и заботиться о прочности этих костылей вместо того, чтобы разрабатывать выздоравливающие ноги.

¹ *Vitte С.Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных Великому князю Михаилу Александровичу в 1900-1902 гг. СПб., 1912. С.215.

Я в свое время пытался показать, на чем держалась устойчивость заблуждения по поводу централизованного планирования, точнее, в чем была корысть от него¹. Понадобилось не одно десятилетие, чтобы с большим опозданием осознать исчерпанность возможностей огосударственной экономики, ее контрмодернизационный эффект, имманентную склонность консервировать отставание. В конце концов были открыто признаны преимущества рынка, и начался ускоренный перевод экономики на рыночные рельсы. Это, конечно, было большим модернизационным прорывом, но вопрос о том, насколько глубоким оказался (или может оказаться) этот прорыв, пока остается открытым. Сейчас ясно только одно: рыночная модернизация еще не пронизала всю толщу российского экономического тела.

Полноценная рыночная экономика прежде всего опирается на внутренний рынок и на растущий платежеспособный спрос населения, но у российской экономики такой опоры нет. Она довольно успешно вписалась в мировой рынок, усилив экспортную ориентацию, унаследованную от советского госплановского хозяйствования. Однако не исключено, что именно это и затормозило глубокие рыночные преобразования всего российского экономического организма.

К концу 1990-х годов Россия практически восстановила прежние советские объемы экспорта нефти и значительно превысила объемы экспорта газа — и общие, и тем более в расчете на душу населения, численность которого в России вдвое меньше, чем была в СССР. В 2000 г. только экспорт нефти и нефтепродуктов принес 33,1 млрд долл., или 228 долл. на одного россиянина (в 1985 г. на одного жителя СССР он давал порядка 46 долл., или почти в пять раз меньше), общий же объем экспорта минерального сырья, металлов, драгоценных камней и изделий из них составил около 78 млрд долл.² В то же время резко сократились непроизводительные расходы государства на военное производство (в советское время огромные), а также государственные инвестиции в экономику.

На Россию буквально пролился золотой дождь. В мгновение ока в стране сложилась новая (точнее, перелицованная старая) экономическая элита, которая в своих руках сосредоточила все рычаги управления потоками невиданного богатства. В политическом смысле эта трансформация прошла довольно безболезненно, потому что опиралась на безграничную поддержку государственной власти, а отчасти и потому, что почти треть государственных

¹ *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 64.

² Российский статистический ежегодник 2001. М., 2002. Табл. 24.16; *Славкина М.В.* Развитие нефтегазового комплекса СССР в 60-80-е гг.: Большие победы и упущенные возможности. Доклад на IX Международной конференции "Ломоносов-2002": <<http://www.hist.msu.ru/Science/LMNS2002/24.htm>>.

расходов покрывается теперь за счет валютной выручки от экспорта. Но, конечно, немалая часть этой выручки расходуется на покрытие выросших потребительских расходов или на сбережения, причем львиная доля и того и другого приходится на узкий слой новой политической и экономической элиты. Их представители тесно переплетаются между собой, крупные экономические и политические игроки нередко меняются местами.

Хотя этот новый слой в значительной степени вылутился из прежней "социалистической" номенклатуры, именно он первым оценил преимущества рыночного порядка вещей — былые привилегии номенклатуры выглядят просто жалкими на фоне возможностей, открывшихся перед "бывшими советскими", а теперь "новыми русскими" всех национальностей. Естественно, что они и стали главными и очень влиятельными защитниками рыночных принципов, правда, со многими ограничениями, вытекающими из их специфического полурыночно-полугосударственного положения.

Конечно, какой-то сдвиг в сторону модернизации всей экономической системы произошел. Централизм и монополизм — главные признаки "досовременных", не способных к эффективной самоорганизации экономических систем — сейчас намного слабее, чем при советской власти. Но они все еще очень сильны, тогда как децентрализационные тенденции пока маловыразительны. Рынок остается хилым, население — бедным, платежеспособный спрос — низким.

Подобно огосударственной советской экономике, водившей хоровод вокруг военно-промышленного комплекса, частная или государственно-частная экономика, ориентированная на экспорт энергоносителей, сырья и того же вооружения, не нуждается во внутреннем рынке. Сегодня ее главный локомотив — крупный, ориентированный на внешние рынки капитал, очень основательно эксплуатирующий все тот же государственный ресурс.

Те же отрасли, которые находятся за пределами монополизированного экспортного блока, модернизируются крайне вяло — и не только с технической, но и с институциональной точки зрения. По оценке главного экономиста Московского представительства Мирового банка Кристофера Рюля, в России доля предприятий, созданных после начала реформ и действующих уже в конкурентных условиях, значительно ниже, чем в других странах с переходной экономикой. В странах Центральной Европы на предприятиях малого и среднего бизнеса работают порядка 60% всех занятых, а в России — 25% или около того. Большая же часть работающего населения по-прежнему занята на старых крупных предприятиях, многие из которых не конкурентоспособны, и их динамика значительно ниже, чем у предприятий новой экономики¹.

2. Социальная структура

Такое развитие экономики блокирует вертикальную социальную мобильность и тормозит давно назревшее превращение созданных советской модернизацией городских слоев в полноценный средний класс. Несмотря на появление немалого числа "новых русских", пропускная способность каналов "социального восхождения" в современной России пока представляется довольно ограниченной. Сама возможность такого восхождения как обычного, достаточно массового явления существует далеко не всегда, исторически это относительно новое явление. Оно возникает там и тогда, где и когда социальная пирамида утрачивает свою обычную для всей прошлой истории форму шахматной пешки (широкое основание, узкие средняя и верхняя части) и становится веретенообразной, расширяясь в середине и сужаясь книзу. В этом, собственно, и заключается модернизация социальной пирамиды.

Казалось, что в СССР в XX в. превращение десятков миллионов крестьян в городских промышленных рабочих как раз и означало коренное обновление социальной структуры в соответствии с императивами времени, имело ярко выраженный модернизационный смысл. Неоспоримым проявлением, чтобы не сказать триумфом, модернизации были и изменения в положении большинства народа, получившего доступ к образованию, новым удобствам городской жизни, не существовавшим прежде возможностям здравоохранения и социального обеспечения, к достижениям культуры и т.д.

Все эти перемены производили большое впечатление и в самом СССР, и за его пределами, создавая иллюзию небывалой восходящей социальной мобильности, тогда как на деле они были просто следствием промышленно-городской трансформации, опиравшейся на подготовленные долгим западным развитием, а теперь заимствованные советскими реформаторами технологии, а отчасти и способы организации социальной жизни.

Форма же социальной пирамиды, в отличие от западной, оставалась прежней: узкие середина и вершина при широком основании, вблизи которого сосредоточивалось большинство населения. Идеология "равенства" закрепляла и оправдывала такое строение социального тела, заимствование западной социоструктурной модели не предполагалось.

Ибо более современная, "веретенообразная" социальная модель западных обществ возникла как следствие двух типов социальных перемещений. Один из них — уже упоминавшееся превращение нижнего слоя аграрного в нижний же слой промышленного общества, т.е. крестьян, — в рабочих, без изменения социальной модели. Но рядом с ним набирал силу другой тип структурных изменений и социальных перемещений: шло движение снизу вверх, расширялась, становилась все более многочисленной относительно обеспе-

ченная и привилегированная социальная "середина", "средний класс". Именно он, заботясь прежде всего о самом себе, стал главной движущей силой экономической, культурной и политической модернизации европейских обществ. Модернизация же, в свою очередь, привела к огромному расширению численности среднего класса и его места в социальном строении общества. В результате его способность и готовность поддерживать те социальные процессы, которые отвечают его интересам, превратилась в решающий фактор сохранения социальной устойчивости.

Существование среднего класса не исключает, а может быть, даже предполагает наличие более низких, обездоленных, по сравнению с ним, социальных слоев, порой достаточно массовых. В этом можно видеть социальную несправедливость и осуждать средний класс за то, что он дорожит своими привилегиями и всегда готов эгоистически их отстаивать. Но нельзя отрицать, что появление социальной структуры с развитыми средними слоями привело к небывалому в истории сокращению доли низших слоев, прежде всегда составлявших подавляющее большинство народа. К тому же средний класс "открыт", резкой границы между ним и менее благополучными социальными слоями не существует, а историческая тенденция заключается в его расширении за счет вертикальной мобильности снизу. Кроме того, сами стандарты жизни среднего класса становятся настолько распространенными, что это не остается без последствий и для низших слоев; за исключением "социального дна", эти слои, если и обездолены, то далеко не в такой степени, как социальные низы прошлых веков.

Существование среднего класса не упраздняет также и верхних социальных слоев, которые по-прежнему располагают огромной силой и властью и больше, чем кто-либо, контролируют жизнь общества, управляют им. Но все же — и это тоже исторически новое явление — их сила теперь не безгранична, а власть не безраздельна. Они вынуждены считаться со средним классом, который добился своей, причем немалой, доли в управлении делами общества и государства.

"Средний класс" — это довольно пестрая социальная среда, к которой могут относиться и преуспевающие "буржуа", и презирающие их интеллектуалы или художники-бессребреники. Но и те и другие выросли на одной исторической почве. Представители разных слоев среднего класса переплетаются между собой, связаны родственными, имущественными, профессиональными, культурными, политическими интересами. Несущей же конструкцией всей этой системы интересов служит частная собственность, накопленная, передаваемая по наследству, заработанная и т.д., которой обладают пусть и не все, но многие представители среднего класса и которая обеспечивает относительную личную независимость, относительную свободу индивидуального выбора жизненного пути, образа жизни, идеологии и пр.

Западный средний класс неоднороден, многослоен, его социально-профессиональная структура характеризуется очень большим разнообразием. Все это создает предпосылки интенсивной внутренней социальной мобильности, переходов из одной страны в другую, движения как вверх, так и вниз, что в конечном счете обеспечивает неограниченное множество вариантов социальной адаптации. Выход же за пределы среднего класса как вверх, так и вниз представляет собой скорее чрезвычайное событие и, влияя, разумеется, на индивидуальные судьбы, обычно не нарушает устойчивости вертенообразной социальной модели.

"Пешкообразная" социальная структура советского общества долгое время не знала средних слоев. Она напоминала структуру феодального общества, — немногочисленная знать и большинство одинаково бедного народа. Эта структура сложилась в период ранней советской индустриализации и отражала экономические реалии того времени: крайнюю ограниченность материальных ресурсов и необходимость концентрации их на решении нескольких узловых задач. Всеобщая бедность породила особую форму экономического и социального неравенства, которое, по-видимому, было одной из скрытых пружин тенденции ко всеобщему огосударствлению. Экономические возможности разных социальных групп в значительной степени определялись их официальным статусом, ибо измерялись мерой участия во владении, распределении и использовании общественного (читай, государственного) богатства, т. е., по существу, мерой доступа к рычагам власти.

"Государственные" люди, в той или иной мере причастные к управлению и распределительно-обменным процессам (партийные и хозяйственные руководители и их окружение), составляли сравнительно небольшую долю населения. Массовые же слои общества не имели доступа ни к управлению, ни к распределению, поэтому их социальная и экономическая стратификация была выражена крайне слабо. Подавляющее большинство населения было одинаково бедно, и в этом смысле все находились примерно в равном положении, резко отличавшемся от положения относительно узкого "номенклатурного" или околономенклатурного слоя, обладавшего многообразными, часто тайными и трудно поддающимися измерению привилегиями, ставившими его вне экономических трудностей, постоянно испытываемых большинством.

Однако изменения происходили и в СССР. Со временем, все еще оставаясь намного беднее старых промышленных стран, СССР богател, его экономические возможности расширялись, а вместе с тем утрачивала объективные основания социальная структура "социалистического феодализма". Здесь тоже появлялась своя социальная "середина", отличная как от статусной номенклатуры, так и от пролетаризированного рабоче-крестьянского большинства. Социальные слои, претендовавшие на такое срединное место, становились

все более массовыми, расширялись, рекрутируясь из рабочих и крестьян, доля которых, соответственно, сокращалась. А вместе с тем нарастало и критическое отношение к допотопной форме советской социальной модели, назревавшая ее кардинальная перестройка. Ее начало долго затягивалось, но вот уже примерно 15 лет стратификационное пространство российского постсоветского общества испытывает глубокие, хотя и медленные преобразования. Экспортно ориентированная, остающаяся "полурыночной" экономика способствует консервированию во вполне городской России архаичной пирамидальной социальной модели, характерной для слабо дифференцированных бедных крестьянских обществ. Массивное основание пирамиды остается слабо структурированным, социально аморфным.

3. Политика

Архаика социальной пирамиды отзывается архаикой политической жизни. Европейский средний класс утверждал свою силу и власть, свою систему ценностей в ходе длительной политической борьбы против силы власти и ценностей средневекового, сельского, дворянско-крестьянского мира. Эта борьба консолидировала средние слои, научила их отстаивать свои интересы, создала свойственную им политическую культуру и политическую традицию.

В современной России потенциальный средний класс — значительная часть городских слоев, по ряду характеристик (многим чертам образа жизни, воспитанию, психологии, ценностным ориентациям, уровню образования, профессиональному составу и пр.) более или менее соответствующих западному среднему классу, занимает совершенно иное положение в социальной структуре. Его представители все еще сконцентрированы в массивной нижней части пирамиды, не находят своего места на рынке ни в качестве продавцов, ни в качестве покупателей, недостаточно самостоятельны, не вовлечены в модернизационные реформы и поэтому мало в них заинтересованы.

Слабая структурированность общества и незрелость среднего класса препятствуют росту индивидуальной активности и изживанию мифологии единого "мира", "соборности", в которой тонут специфические индивидуальные и групповые интересы. Соответственно, и неудовлетворенность своим положением выражается в постоянном морализировании и вере в то, что "барин нас рассудит", а не в прагматическом политическом диалоге, в котором стороны отстаивают свои осознанные интересы и ищут цивилизованные формальные процедуры разрешения неизбежных конфликтов этих интересов.

В свою очередь, отражающие разные интересы политические партии - инструмент такого диалога — не имеют достаточной социальной базы. Ценность социального и политического разнообра-

разия и состязательности политического процесса пока не утвердила себя и поэтому не осознается. Гораздо больше ценится "единство", что и нашло отражение в названии наиболее преуспевающей партии, хотя "партия "Единство" — это типичное *contradictio in adjecto*, ибо слово "партия" означает "часть", и в этом — весь смысл многопартийности.

Тем не менее пока не будет найден и реализован модернизационный курс, создающий новые каналы массовой вертикальной мобильности, положение едва ли может быть кардинально изменено. При существующих условиях "политика", т.е. деятельность, направленная на достижение влияния и власти, оказывается заложником аморфной структуры российского социума. Любой серьезный политический игрок вынужден вступать в борьбу за один и тот же электорат, ибо его большинство достаточно монолитно и откликается на одни и те же или схожие лозунги. Сейчас это большинство не вовлечено или слабо вовлечено в модернизационные перемены и потому часто воспринимает их враждебно. А это значит, что и политика, ищущая понимания и поддержки большинства, неизбежно приобретает контрмодернизационные черты.

4. Идеология

Всякое политическое действие требует идеологического обеспечения. Либеральные идеологии соответствуют смыслу того, что происходит в более модернизированных секторах российского социума, которые гораздо лучше чувствуют себя в климате, создаваемом безличными условиями децентрализованной экономики, свободной конкуренции, разделения властей, признания "прав человека", невмешательства государства в частную жизнь, идеологического плюрализма, свободы совести и т.д.

Однако когда разворачивается борьба за традиционалистски настроенный российский массовый электорат, все еще уповающий на государственный патернализм, либеральные идеологии не имеют больших шансов на успех. Напротив, демонстрация антилиберализма находит благодарный отклик в "широких массах" и приносит политическую поддержку, победу на выборах и т.д. Поэтому политики все чаще склоняются к более или менее выраженной эксплуатации антилиберальных, авторитаристских или даже тоталитаристских "государственнических" идеологий.

В современной России — это прежде всего набор коммунистических идеологем и мифологем советского образца, все еще сохраняющих влияние на значительную часть электората. Но так как это влияние все же очень сильно подорвано самим советским опытом и сейчас уже далеко не безраздельно, все четче обозначается альтернативная идеологическая линия, ведущая свое происхождение от белоэмигрантских идеологий 1920-х годов.

С наибольшей последовательностью проект, который можно назвать "православно-большевистским", разработали "евразийцы". Он обладал всеми чертами набравшего в 1920-е годы силу необольшевистского проекта (огосударственная экономика, тоталитарная идеология, однопартийная политическая система, антизападничество, антилиберализм и пр.) и подобно ему был реальным истинным ходом событий в СССР. В целом евразийцы этот ход событий одобряли, подчеркивая, что объясняют его действием "народной стихии, а не коммунистов, которые были лишь удобными орудиями и, в общем, послушными исполнителями"¹.

На первый взгляд, евразийский политический проект, противостоявший большевистскому, был симметричен и в главном тождествен ему. Он был нацелен не на устранение тоталитаризма и замену его демократией, а на замену одного типа тоталитаризма другим. Однако изначально существовало и серьезное различие между евразийским и большевистским проектами, заключавшееся в отношении к модернизации. Большевики делали главную ставку на индустриализацию России, и это обеспечило им более или менее долговременную поддержку всех модернизаторских сил (хотя в конце концов стало ясно, что индустриализация — это еще далеко не вся модернизация).

У евразийцев не было и такого модернизационного порыва. "Самый дух индустриализма должен потерпеть крушение, и тогда изменятся и принципы, определяющие отношение человека к вещам. А преобразование духа, конечно, возможно только путем религиозного и духовного возрождения... Евразийство... призывает к устранению капиталистического строя, исходя из утверждения преобладания духовных начал над материальными. Утверждение это оно черпает из глубоких корней православной веры, для которой идеал нестяжательства был всегда идеалом руководящим и высшим"².

Конечно, было бы большим преувеличением утверждать, что сегодня идеи евразийцев овладевают массами с такой же силой, с какой некогда ими овладела идея мировой революции и построения царства Божия на земле. Однако и недооценивать потенциал этих идей и их, так сказать, политическую перспективность не следует. Они во многом отвечают настроениям массивного "низа" социальной пирамиды, а многие их элементы давно уже эксплуатируются различными политическими силами, в том числе — и едва ли не в первую очередь — российскими коммунистами и их "народно-патриотическим" окружением.

¹ Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 399.

² *Алексеев Н.Н.* Собственность и социализм Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства // Алексеев Н. Русский народ и государство. М: Аграф, 2000. С. 265.

В то же время использование либеральных лозунгов не сулит никому большого электорального успеха. Отношение к либералам в современной России не слишком отличается от того, каким оно было в СССР или в Германии и Италии 1930-х годов. И в этом таится большая опасность. Влиятельность антилиберальных идеологий — следствие незавершенности экономической и социальной модернизации России, но она же — и препятствие ее завершению. Если эти идеологии и основанная на них политика возобладают, модернизация России существенно замедлится.

Россия в очередной раз стоит на перепутье, напоминая богатыря, раздумывающего на развилке дорог, куда ему повернуть: налево или направо. При этом едва ли не в самом сложном положении оказывается российская власть. Страна быстро теряет свой экономический и политический вес в мире (в результате даже не столько того, что происходит в самой России, сколько глобальных сдвигов, появления на мировой арене новых, потенциально очень сильных игроков). Безоговорочное принятие "западных" (а на самом деле, просто последовательно модернистских) ценностей — единственный доступный России способ удержаться на плаву. Похоже, что нынешняя власть это осознает более или менее ясно. Но она связана по рукам и ногам традиционалистскими, контрмодернистскими настроениями общества. Так что исход нынешнего раунда модернизации России пока остается неясным. А это, может быть, ее последний шанс.